Иван Карпухин

И портрет я твой рисую...

стихотворения

Иван Карпухин

И портрет я твой рисую...

Стихотворения

Стерлитамак

Редактор **Сенченко Ф. В.**
Художник **Ермолаева Н. Н.**

Издательство Стерлитамакского государственного педагогического института

ISBN 5-86111-010-7

Карпухин Иван Егорович родился под знаком Водолея в 1936 г. Детство прошло в живописном местечке Альшеевского района Республики Башкортостан. Оно совпало по времени с годами Великой Отечественной войны и было трудным.

В 1941 г. под Москвой (на Ржевском направлении) погиб отец — Егор Романович. На воспитании матери — Анны Михайловны — осталось семеро детей и свекровь. Жили дружно. С самых ранних лет пришлось работать. Учился в сельской школе. Учеба давалась легко. Но на чтение книг днем не было времени, а вечером часто не было керосина, чтобы засветить лампу...

Закончил Давлекановское педучилище, историко-филологический факультет Стерлитамакского госпединститута и аспирантуру в Москве. Кандидат филологических наук, доцент.

Два с лишним года работал учителем словесности в школе, а затем, начиная с 1962 г., связал свою судьбу с родным институтом. Опубликовал около 50 научных работ. Имеет правительственные награды и почетное звание «Заслуженный учитель школы Башкирской АССР».

Отдельные стихи печатались в районных и городских газетах.

Данный сборник — первая их тематическая подборка.

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель! Выношу на твой суд мой первый сборник стихотворений. Он составлен по тематическому принципу, что, на мой взгляд, вполне допустимо. Посвящен вечной теме любви. Любви к женщине и родине.

Расположены стихи отчасти с учётом времени их написания, а отчасти с ориентацией на народный календарь. Отдельные стихотворения символичны. К примеру, женщина со своей непростой судьбой видится мне то в образе березы «с сережкой горькою», то расцветающей черемухи, невинность которой могут нарушить грубые и чёрствые люди, то цветущей или задумавшейся калины... Такое восприятие мира я унаследовал от фольклора.

Мы живем в трудное и смутное время. Заботы, беды, неустроенность в быту, безудержный рост цен, ломка устоявшихся традиций и сознания, обострение национальных вопросов и многое другое сильно влияют на психологическое состояние людей.

Наше внимание приковано к бытовым проблемам, к тому, как прокормить себя и свою семью. А поэтому снизился интерес к поэзии. Но это, я верю, временное явление. Ведь не хлебом единым жив человек. Он не может не огрубеть и не потерять человеческого лица без песен, без общения, без любви. Только политикой да работой всех проблем не решить. Особенно духовных.

Во все времена и у всех народов мира любовь к женщине, ко всему прекрасному, к родине была великой движущей силой, не раз спасавшей как общество в целом, так и отдельных его представителей от разложения и вырождения. И бесплодными оказывались усилия тех, кто с пренебрежением или даже враждебно относился к этому чувству:

Рубили шашкой — нипочем,
Секли нагайкой и мечом,
В кострах, в печах, напалмом жгли,
Но уничтожить не смогли.

Я убежден, что вера и любовь помогут нам выстоять, перестроить жизнь на новых принципах, и тогда свободно, в достатке заживут мои соотечественники. Мы обязаны создать такие условия в жизни, которые сделали бы нашу **ЖЕНЩИНУ** поистине обворожительной, мудрой, счастливой, любящей и любимой. И пусть этот

скромный сборник стихотворений хоть чем-то будет способствовать приближению такого часа.

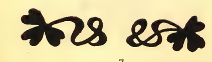
Я предлагаю свое видение проблемы. С ним можно спорить или соглашаться, можно оценивать по самым строгим критериям или снисходительно. Единственное, чего я хочу и на что надеюсь, чтобы не было равнодушных.

И я признателен **ЖЕНЩИНЕ** за дружбу и любовь, за заботу, ласку и нежность, за верность и неуправляемость, за выдержку и порывистость, за задумчивость и веселость, за неукротимую энергию, боевитость и скромность, за находчивость, изобретательность и стойкость, за неповторимую самобытность, красоту и женственность, за то, что она одновременно может быть любящей матерью и супругой, умелой хозяйкой и доброй работницей, что она еще многое-многое может, сочетая в себе все то, без чего просто не было бы жизни.

Я признателен **ЖЕНЩИНЕ** и за то, что есть **Я** и есть эти строки.

БЕРЕЗКА ТЫ МОЯ...

Березка ты моя
С сережкой горькою,
Ты для меня — маяк
И скромность гордая.
Ты для меня — краса,
И символ родины,
И девушки коса,
И путь непройденный,
И лебединый зов,
И шалость вешняя,
И нежность, и любовь,—
Почти нездешние.
Уральская зима,
Где вьюга мечется.
И добрая, как мать,
Моя советчица!
Березка ты моя...
Березка белая.

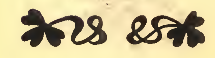
БАДМИНТОН

Ракетки взмах — летит волан,
Удар в ответ — нежнеет сердце.
А руки, словно два крыла,
Два лебединых, воздух чертят.
Не позовут иль позовут?
Кого-то звали иль не звали?
В глазах звенящий перламутр,
А локоны, как ночь, в печали.

* * *

Над Шиханом дожди
пляшут русскую.
Позови, уведи,
с косою русою!
Я не верю в апрель,
в жизнь загробную.
Встреч, разлук наших хмель —
все испробую.
Человек и дожди.
К черту разницу!
Ждут дожди. Меня жди.
Жди, как празднество,
Как рассвет по весне,
как проталины,
Как подснежников снег,
в зелень вставленный.
Я пройду сквозь пургу,
чтоб тебя украсть,
Сквозь усталости гул
и соблазнов страсть.
Я приду. Только жди.
Над Шиханом —
шумят дожди...

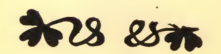
* * *

Сиреневая кофточка
С ума меня свела!
А где же ты, Сиреньюшка,
До осени цвела?
Увидел я в Сиреньюшке
Тоску, и грусть, и боль...
Сиреньюшка, Сиреньюшка,
Что осталось с тобой?!
Рванулось сердце надвое —
Помочь бы ей, помочь...
Сиреневою радостью
Развеять ее ночь,
Чтоб вновь цвели в Сиреньюшке
И доброта, и стать...
Грустинки ж в глазах-угольях
Спроста иль неспроста?

* * *

Радость первой встречи вечна.
Память — вот тому порука.
Грусть тайной терзала плечи,
Локоны твои и руки...
До той встречи жил беспечней,
Весь в работе и в науке.
Все сломали эти плечи,
Эти локоны и руки.
И в потоке бесконечном
Телефонных писем звуки...
Помню трепетные плечи,
Ласку локонов и руки.
Я инфарктом обеспечен,
Коль не избегу разлуки,
Иль с ума сведут те плечи,
И те локоны, те руки...
Хмель шальной — с тобою встречи
Расставанья — боль и муки...
Я целую твои плечи,
Твои локоны и руки.

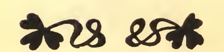
* * *

На вершинах башкирских Шиханов,
Ты пьянящий кумыс не пила,
Не встречала рассвет в балаганах
Там, где с Белою Дема слилась;
Где (поверь мне!) курай плакать может,
Может в танец увлечь вихревой,
Может боль от разлуки умножить
Или в бой повести роковой.
Соловьев нет на свете речистей,
В родниках нет свежее воды,
Нет девичьих улыбок лучистей,
Чем в раздольях Уральской гряды!..
Приглашаю на песни курая
Про весну в соловьиных лесах...
Без тебя все в слезах Приуралье,
Люди думают — пала роса.

* * *

Каждой клеткою к тебе стремлюсь я.
Дай глоток желанной красоты.
Умереть от счастья не боюсь я,
Я боюсь несбыточной мечты.
Я боюсь, в разлуке наши годы
Прошумят, как ливень в летний день,
И уйдут, как давние походы,
Где носили шапки набекрень.
И как финиш — боль воспоминаний
О былом, щемяще голубом...
Время, время, что творишь ты с нами,
Занося морщины в свой «альбом»?

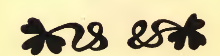
* * *

Чего не было смолоду,
В зрелом возрасте стало.
Я слоняюсь, исколотый,
По больнице усталой.
И медичка глазастая,
В белом стройном халате,
То с лекарством, то с пластырем
Подплывает к палате.
Шприц огромный (О, боги,
Мысли сводит от страха!)
В то, во что вросли ноги,
Засобачит с размахом...
А глаза, будто омут,
Утонуть бы в них, скрыться...
Но к другому больному
Плывет лебедь-сестрица.

* * *

Я просыпаюсь ровно в пять.
Как по команде, просыпаюсь.
И вязких мыслей груз опять
На рану в сердце просыпаю.
Хочу того иль не хочу,
Но память воскрешает снова,
Как прикоснулась ты к плечу —
И я в мгновенье заколдован.
Тот миг, я думаю, тобой
Остался просто не замечен...
С моей мечтою голубой
Сгорел неповторимый вечер...
Я просыпаюсь снова в пять.
По нашим меркам, это — рано.
Но мне с тех пор мешает спать
Неразделенной страсти рана.

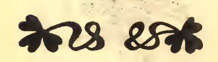
* * *

Не приснилась ли ты мне случайно
В разноцветьи осенней листвы?
У весенней плантации чайной?
На просторах морской синевы?
Иль на горных тропинках Кавказа,
Среди елей в платках голубых?
Может, ты из прадедовских сказок
Про красавиц нездешней судьбы?
Может, ты из прочитанных книжек?
Без тебя и весна не в весну,
Без тебя даже кедры без шишек,
Сердце, будто серпом полоснул!..
Неужели придумал такую,
Что и слов не хватает воспеть,
Что подранила волю мужскую,
Чар волшебных накинувши сеть?!

* * * *

Я тебе сегодня
Целый день звоню,
В трубке полугодной
Слышу трескотню.
Где же, где ж ты скрылась,
Зовушка моя?!
Дали бы мне крылья —
Взмыл в твои края.
Самой нежной негой
Я б тебя согрел.
Уберёг от снега,
Маками б горел.
Я б закутал плечи
В шаль живых цветов,
Самый теплый вечер
Превратил в пальто.
Освежил прохладой
Утренней зари,
Называл бы Ладой,
Боль заговорил,
Оградил от стрессов
И от злых стихий...
Для тебя, не в прессу,
Я б писал стихи...
Знать, с собой не сладить,
Чувств не смыть дождем...
Ладный ли, нескладный,—
Я таким рождён!

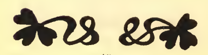
* * *

Поздний вечер. Бегу к телефону.
Он, глотая монеты, молчит...
Почему, по какому закону
Я её не услышу в ночи?!
Почему эти горы и вёрсты
Разлучили безжалостно нас?!
Почему автомат этот чёрствый
Вдруг замолк, как назло, в нужный час?
Немоту его как мне нарушить?
Дальше ждать нету мочи совсем:
«— Эй, ноль семь! Успокой мою душу!
Дай ее на минутку, ноль семь!
Ну, свяжи нас! Услышу лишь слово —
И три слова ей крикну в ответ!»
Но помочь мне ноль семь не готово,
Трубка выдохнула: «Связи нет!»
«Как же быть? Я не ведаю, право.
Свой у подлости, видно, закон!»
Аппараты и слева, и справа,
Но оглох, онемел телефон.
Она ждет в своем каменном доме,
Вся в сомненьях, тревоги полна,
Повторяет, как клятву: «За что мне
Эта участь лихая дана?»
«Умоляю, ноль семь! Ну, попробуй!
Сердце рвется (поверь!) на куски...
Не суди нас особенно строго
И зачахнуть не дай от тоски!»

* * *

Мы дарим женщинам цветы
Зимой, весною, осенью ль,
Чтоб юношеский пыл не стыл
В сердцах уставших, с проседью.
Мы дарим женщинам себя
Всецело, клеткой каждою.
Нас потеряв в беде, скорбят.
Нас ждут, томимы жаждою.
Мы любим женщину. В ней жизнь
И судьбы зарождаются,
Спешим заботой окружить...
Бывает, заблуждаемся.
Я б женщину боготворил.
Ведь в мире ею созданы
Новорождённый и старик,
Смешное и серьёзное...
Мы перед женщиной в долгу.
А расплатиться сможем ли?
Ведь годы, как вода, бегут,
А быт, как конь стреноженный.
Мы дарим женщинам цветы:
Ромашки, розы, калы ли,
А с ними — нежность и мечты,
Нередко запоздалые.

* * *

Там, где речки излом,
В горловине долины,
Одиноким костром
Полыхала калина.
Её гроздья в снегу,
Как рубины, горели.
Мне б уйти. Не могу.
Жду, чтоб сердце согрели.
Но застыл терпкий сок
В сотнях бусинок гладких,
Будто кисти мазок
Вдовьей долей несладкой.
Как тот сок разогреть
Без обиды и боли,
Чтоб дроздиная снедь
Затеплилась любовью?
И чтоб в пойме реки
Майским днем соловьиным
Всем чертям вопреки
Расцветала калина?!

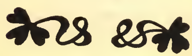
А метель пляшет бешено с ночи.
Шквальный ветер до неба в снегу,
Всё смести, изорвать готов в клочья,
Гнёт вершины деревьев в дугу.
В бездорожие город закутал,
Рыщет бесом в чащобе лесной...
Что случилось со мною? Откуда
Вдруг во мне этот бес озорной?!..
Я иду тому ветру навстречу
И в глаза откровенно смеюсь,
Иль вальсирую с бурей беспечно,
Иль дуэтом с ней песню пою,
Иль в объятьях пурги ошалелой
Вниз с сугроба качусь и кричу:
«Я люблю! Быть любимым хочу!..»
А кругом всё танцует... Все в белом!..

* * *

По народному календарю Японии, 1990 год — год белой лошади.

Вновь раздолье ищут
Белые метели.
В белых шапках крыши,
В белых шалях ели.
Белому предела
Нет. Судите сами.
Зайцы в шубках белых,
С белыми усами;
Белый саван — поле,
Белой лентой — речка,
Будто белый кролик,
На дубу скворечник.
Кто же тот художник —
Мастер белой краски?
Не рисует дождик,
А бураньи пляски,
В снежных тучах небо,
Снежное ненастье —
К урожаю хлеба,
К доброте и счастью...
Мастер тот опознан.
По России стойкой,
Зажигая звёзды,
Мчит на белой тройке.
Бьется в белых чёлках
Ветер ошалелый...
Объезжает ёлки
Девяностый, белый.
Добрая примета.
Позабыв печали,
Все в надежде светлой
Новый год встречают!

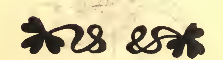
* * *

Город мой в плену метели.
Вновь неистовствует ветер.
Ты пред бурей улетела
На неведомый край света.
Знала, ведала колдунья,
Что тобой заворожён я.
Не плясунью, не певунью,
А тебя хотел взять в жёны!..
Улетела. Между нами
Сотни, тыщи километров.
Там свирепствуют цунами
И, как здесь, шальные ветры.
Разыгралась непогода,
Самолёты не летают...
А разлука в мои годы
Сединой в виски врастает.

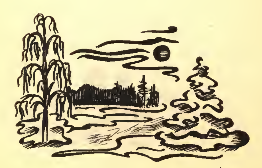

* * *

Воробьи тревожно табунятся,
Не случайно это, неспроста:
Март лукавый вышел прогуляться,
Осмотреть заветные места,
То, как солнце снежный наст ласкает,
Вышивая от деревьев тень;
Как зима с карнизов крыш сосками
Ледяными плачет каждый день;
Как берёзы глянцевые косы
Распустили в синей тишине
И как грач, чужие страны бросив,
Мчит в мой край — его роднее нет.
Март зиме сочувствовать не хочет:
Всем наскучил вьюги злой разбой...
Ждут весну, когда нальются почки
Жаждой, и любовью, и судьбой.
Жду и я весну очередную,
В ней — прошедшей молодости стать,
Чтоб, с весною новой соревнуясь,
Все, что не доделал, наверстать!

Непривычен дождик в марте.
Хлёсткий дождь. Зиме назло.
Лихо снег сечёт, азартно —
Знает, видно, ремесло!
Враз людей загнал под крыши,
Вымочил деревья все,
Изрешетил наст, как вышил,
В придорожной полосе.
Необычен дождик в марте,
Сильный дождь — тем более...
Я упрятан в дом стандартный,
В каменный, с обоями.
От любви стена не скроет,
Не избавит злой навет.
Годы мчат резвее тройки,
Им назад отсчета нет!..

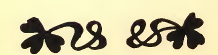
* * *

От беды не уйти, не укрыться,
Когда мир на добро слишком скуп.
Не с того ли в надежде забыться
На снег брошен овчинный тулуп?!
Замерла после бега машина.
В изумленьи примолкнувший бор.
На меху перед властным мужчиной
Ты плясала судьбе в перекор.
В том отчаяньи есть своя прелесть —
Страсти всплеск, обаяния зов...
Любовалось в преддверьи апреля
Небо, вышитое бирюзой.
Загляделись окрестные сопки.
Белезной ослеплял перевал.
Хмель шальной крутокрылою сойкой
Твой рассудок, пьяня, затмевал...
Я в башкирском моём Приуральи
От тоски волком выл в пору ту:
Веру в женскую святость украли,
На тулупе распяли мечту.

ВЕСНА

Весна. Грачиный гам взъерошил утро,
На реках половодья круговерть.
В природе все рассчитано, все мудро —
Плечом к плечу идут в ней жизнь и смерть.
Растаял снег — о нём мы не жалеем.
Ушла зима — в том нет большой беды.
В серёжках — тополиные аллеи,
По-над землёй — зеленоватый дым.
И не унять звон оперетт скворчиных,
Не растопить подснежниковый снег...
И, видимо, совсем не без причины
Ты самой нежной снова снишься мне!

В ПОДМОСКОВЬЕ

«Леса учат человека понимать прекрасное».
К. Паустовский.

Удивителен мир Подмосковья
Ранним утром в средине весны:
Дуб как-будто дремотою скован,
Клён в поклонах застыл поясных,
Двух-трехпалые лапки-серёжки
На притихших берёзах висят...
Я иду неухоженной стёжкой,
Как в былые мои пятьдесят.
Чуть шуршу прошлогодней травою
В перемешку с такой же листвой...
В лес я шёл насладиться покоем,
Но какой в нём весною покой?
Утка с селезнем рыщут в болотце,
Совсем рядом — рукой протянуть.
В редких лужах, как в окнах колодцев,
Облака норовят утонуть.
Видно, я в том лесу посторонний,
А не дятлы иль клест в сосняке.
Лишь вошел — разорались вороны
На вороньем своём языке.
Лишь вошел, как дрозды что есть мочи
Эскадрильей пошли на меня;
Беспрестанно сороки стрекочут,
Их, похоже, ничем не унять.
И задумался я: «Мир в раздорах.
Благо, жизни не прервана нить.
Как замученный газами город
С первозданной природой сроднить?
Как добиться, чтоб царство пернатых
И зверей, всех букашек земных
Человека, как старшего брата,
Принимало б в гостиных лесных?
Как достигнуть желанного чуда,
Не вернувшись в безъядерный век?!
Чтоб прогресс для Земли не стал худом,
Будь разумен, молю, Человек!»

* * *

Как восток побелеет
Утром вешнего дня,
В тополиных аллеях
Гвалт грачей не унять.
В нем разгула стихия
И утраты тоска,
Спор за прутья сухие,
За гнездовий каскад;
Неподдельная радость:
Позади тыщи вёрст,
Перелёты, преграды,
Зов покинутых гнёзд.
В этом царстве грачином
И ламбада своя,
Там живут, не кручинясь
И обид не тая.
Если б вдруг их спросили,
Получили б ответ:
«— Нет роднее России,
И милей земли — нет!»

* * *

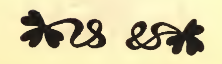
Вновь на деревьях набухают почки
И в мутных речках бесится вода.
А от тебя ни слова и ни строчки.
Быть может, кто обрезал провода?
Иль, может, враз все высохли чернила?
Иль спутник связи в космосе пропал?
Или моё колечко обронила
С руки другому в пенистый бокал?
Я жил тобой. И степь, и ветер горный,
Кипенье, нежность — всё в одной слилось.
Но наступлю моей любви на горло,
Чтобы тебе свободнее жилось.
А на деревьях листья вместо почек.
И в тихих речках чуть журчит вода...
Так суждено. Родился без сорочки,
И жизнь моя, как вечная страда!

Синь апрельская землю ласкает
И серёжками стройных берёз
И упрямых травинок ростками
Поборола уставший мороз.
Нет конца птичьим танцам и песням:
Здесь и соло, и хор, и дуэт,
Им в лесах и в горах стало тесно,
И в степи угомона им нет...
И, как в капельках неба, в фиалках
Склоны гор — ранний вешний экспромт,
И ряды мать-и-мачехи в балках
Загораются желтым костром.
Пью земли этой запахи жадно
С родниковой водой пополам.
Трактора, как в шеренге парадной,
Чешут черные косы полям.
Любо слышать их рокот машинный...
Над Россией бушует весна,
Ее мощь не измерить аршином,
Как не вычерпать реки до дна.

* * *

На душе Первомай,
А на улице слякоть.
И не знают дома —
Им смеяться иль плакать.
Светофоры сверлят
И сверлят перекрестки,
И весенний наряд
Примеряют берёзки.
Я белянку спросил:
«— Хороша ли обнова?»
А форсунья: «— Мерси,
В ней к венцу я готова;
Встречу в ней сенокос,
Дождь приму и затишье;
Осень золотом вышьет,
Снимет только мороз!»
Приосанилась вся
И, любуясь собою,
В мир мечты уносясь,
Заиграла листвою.
И подумалось мне:
«— Я в желаньях богаче,
А мечтою — втройне...
Поделюсь ими с ней,
С той, одной, всех скромней,
Всех дороже, нежней...
Не могу жить иначе.»

* * *

Вновь расцветёт черёмуха
Под стать тебе весной,
Вольёт во всех без промаха
Свой аромат лесной.
Но на беду ей грубая
Вдруг сыщется рука,
Цветы её упругие
Сорвёт наверняка.
И, насладившись досыта,
На землю их швырнёт,
Росинки-слёзы досуха
С них солнышко слизнёт!
И отблеск полужизненный —
Потухшие листки
Рассеются по жилам мне,
Как капельки тоски.
И искорки их белые
До самых до корней
Прожгут траву замшелую
И радость мою с ней...
Не потому ль поруганной
Мне снишься красотой,
Невестою, супругою,
Несбыточной мечтой?

* * *

Я следил за калиной.
Поезд мчался в Москву
Из Коломны по линии,
Что Рязанской зовут.
А калина в цвету вся,
Лишь собой занята,
Из цветов тех фату снять
Я, признаться, мечтал.
Жадно встречь мне бежала,
Хохотала вослед,
Будто бы убеждала:
Женской верности нет.
Я не верю смутьянке.
Пусть слепит белизной.
Меня ждёт, ждёт смуглянка,
Локон лёгкой волной.

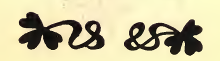
* * *

Выйду за аул, притаюсь...
Где-то песню чудную поют,
Где-то речка по лугу бежит,
Где-то счастье женское лежит...
А наступит вечер — загрущу,
Счастье ненадёжное ищу.
И следит лукавая Луна.
Что лукавит? Ведь сама одна.

* * *

Липы в цвету. Задыхаюсь
От аромата лип.
Нет, не пойду, не признаюсь...
В сердце — рыданий всхлип.
Ветер в листве заплутался,
Спрятался, как дитя.
Твой локон не мне достался...
Ошибки жестоко мстят!

* * *

Я глазами море мерил —
Неприветливым казалось.
Но оно беззлобно берег
Пенистой волной лизало.
Целовало его камни,
Обнимало волнорезы.
Море, море! Друг мой давний,
Кто, скажи, тобой не грезил?!
Столько песен тебе спето,
Столько передано судеб...
А ты радость шлешь и беды...
Кто рассудит? Кто осудит?
Ты меня околдовало,
В шоколад окрасив кожу.
Счастья было слишком мало,
Но зато оно — дороже.

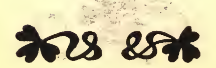
* * *

Спешу к ромашковому полю
Неповторимой красоты.
Растут и в пойме, и в предгорьи
Твои любимые цветы.
В них — сгусток солнышка и света.
Когда в росе, как в каплях слёз...
Жду с нетерпеньем, чтобы ветер
Мне от тебя поклон принес.
Но, прилетая, странник вечный
Им шепчет нежные слова...
Спешу ромашки те при встрече
Вместо тебя поцеловать.
Молю ромашковое поле
Решить вопрос: «— Как дальше быть?!»
В том поле и любовь до боли,
Разлуки грусть и знак судьбы!

* * *

В ожиданьях сгорело все лето.
Вот и осень. Хожу нелюдимым я.
Не с того ль, что в тоску ты одета
И вниманьем почти не согрета,
Синеглазка моя любимая?!
Я во всём твои вижу приметы,
И пройти не сумею их мимо я...
Все шепчу: «— Отзовись! Где ты? Где ты?
Не нарушила ль данных обетов,
Синеглазка моя любимая?!»
Хулиганом ли стать мне отпетым,
Чтоб сослали в края твои синие
(Пусть в провинцию строгую, пыльную!),
Лишь бы осень, и зиму, и лето
Быть с тобой, синеглазка красивая!?
В моем городе есть своя мета:
Отупляет до одури химия...
Ты одна исцеляешь поэта,
Ты одна вдохновляешь поэта,
Синеглазка моя любимая!

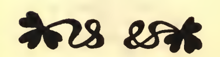
* * *

Настроенье такое,
Будто мчусь в никуда...
То ли горе людское
Дребезжит в проводах?
То ли радости всплески?..
Тепловоз режет синь,
С ней леса, перелески
Из сосны и осин,
Красоту разнолесья,
Буйство трав и цветов...
Твою женственность здесь я
Во всём видеть готов!

* . * *

За полями, за лесами,
В затаёжном далеке
Ты на даче загораешь,
На сухом речном песке.
Солнце ласковое нежит
Недевичий стройный стан.
В моём сердце боль и скрежет
От того, что я не там.
А реку ту изувечу:
Она трепетной волной
Обнимает твои плечи
Каждый летний выходной.
Я от зависти сгораю,
Я от ревности бешусь.
Песнь любви своим кураем
До сих пор тебе пишу!
Неужели ты не слышишь?
А услышав, утаишь
И с другим под дачной крышей
Хмель желаний утолишь?
Неужели за лесами,
В затаёжном том краю,
Мое счастье искромсают,
Умертвят мечту мою?!

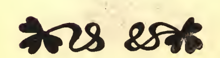
В серой дымке горы
Сыростью сочатся.
Но тепло. Над бором
Галки суетятся.
Журавли тоскою
Разрывают тучи.
Желуди с листвою
Дуб роняет с сучьев.
Красный шарф рябина
Вскинула на плечи.
Вся в огне осина
О своем лепечет.
Золотые косы
Свесила береза.
Пахнет хлебом. Осень.
И на окнах слёзы...

* * *

ОСЕНЬ

В поле осень. Дождик сети
Сплёл, непрочные, косые,
И раскинул сети эти
Над страдающей Россией.
Над Россией синеокой,
С непредсказанной судьбою...
Я смотрю на осень в окна,
Где наличники с резьбою.
Задымились в избах трубы,
Видно, им, промокшим, стыло.
А берёзка в зависть дубу
Сбросить золото забыла.
И пятном зеленым озимь
Серость поля разрывает.
И рассвет приходит в восемь,
Птиц к отлету созывая.
Снова дождик сеть косую
На дома и лес набросил.
И портрет я твой рисую
На стекле, где тоже осень.

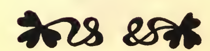
* * *

В эти встречи, совсем не вешние,
Я шептал тебе слова нежные,
Слова редкие, порой шалые,
А нас слушала осень усталая.
Я дарил тебе цветы поздние,
Я дарил изумруды озими
И стихи дарил задушевные —
Всё то видела осень —
волшебница.
Осень щедрая. В платья пёстрые
Нарядила леса многовёрстные.
Там бродили с тобой без устали.
Нам завидовали белки
шустрые.
И куда б ни шли мы —
рука в руке,
Счастье ожило в нашем облике,
Неподдельное, неслучайное,
Каждой клеточкой излучаемое!
Небо тучилось. Редки просини.
Перепутал я весну с осенью,
Оттого ли, что ель зеленая?!
Оттого ль, что в тебя влюблён был я?!

* * *

Осенний мелкий дождик сеял
С утра над поймой Енисея,
Над разноцветьем гор, и сопок,
И над гостиницей высокой.
Земля вся вымокла до нитки,
Как и деревья, и калитки,
И светофоры, и машины...
Но ноет сердце. В чём причина?
Как острогой его пронзили
Или сомненьем занозили...
Вдруг солнца луч прорезал тучи
И высветил: «Разлука мучит!»

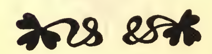
* * *

Всякий скажет: провода не плачут,
А столбы совсем не знают боли.
Я прошу: «— Вглядитесь в них иначе,
Когда осень в городе и в поле,
Когда небо изморосью сеет,
Птиц прощальный крик в тумане тает»...
Капельки по проводам расселись,
Будто бусы. Нет, слезинок стаи.
Кто из тех слезинок ожерелье
Нанизал и на столбы набросил?
У дождя ли очи «отсырели»
Иль у тех, в ком боль ушедших вёсен?
Провода о лете, видно, плачут,
А столбы, сочувствуя их доле,
Как мужчины, молча слёзы прячут,
Спрессовав в металл и камень волю.

* * *

С тополей пожелтевшие листья
Ветер сбросил на землю в три дня.
А походки твоей лёгкость лисья
До сих пор будоражит меня.
До сих пор торопливый твой голос —
Моей поздней любви позывной!
Я хочу, чтоб желания голод
Ты делила бы только со мной!
Чтоб заметила: годы разлуки
Сединой на висках залегли;
Твои нежные сильные руки
Мою верность тебе сберегли.
Слитки золота щедрой берёзки
Ветер бросил любимой к ногам...
Мы с тобой на одном перекрёстке,
Хотя жизнь беспощадна, строга!
Мы с тобой на одном полустанке,
Твои беды в стократ мне больней!
Я ору: «— Люди, гнать перестаньте
До предела уставших коней!»

*

Снятся мне твой полусонный шёпот
И огонь слегка припухших губ,
Да в глазах немой упрёк и ропот,
Что с тобой быть вместе не могу.
В этой жизни всё предельно сложно
(Кто с ее законом не знаком?):
Она кормит не одним пирожным,
Чаще — редькой с перцем и хренком.
Чаще руки и сердца ломает,
Ранит память, гнёт в свою дугу...
Реже улыбнётся поздним маем
Иль тюльпаном на скупом лугу.
Снятся мне твой непокорный локон
Да Венеры страстной стройный стан...
Повернись, о жизнь, счастливым боком:
Я бороться с бедами устал».

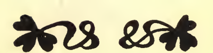
* * *

Если в сердце я твоём не первый,
То подачки-жертвы не хочу,
Не хочу, чтобы кому-то — перлы,
Ну, а мне — объедки чьих-то чувств!
Не хочу заученных улыбок,
Не хочу играть чужой судьбой!
Я хочу, чтоб первозданной глыбой
На меня обрушилась любовь!
Время скачет. Годы — в контролёрах.
Их так много! Я же не ропщу.
Счастлив: не был никому дублёром
И себе дублёрства не прощу!

* * *

Твоего рожденья день —
помню,
Ты заветное надень
платье,
То, в котором ты скромнее
скромниц,
Сама женственность
и симпатия!
То, в котором тревожным
смехом
Обольщала прощальный
вечер,
То, что соткано, будто б
из снега,
Из ромашек ли, белых
вечно!
Твоего рожденья день —
праздник!
И его нельзя
не заметить.
В мире тысячи женщин
разных,
Но другой, как ты, нет
на свете!

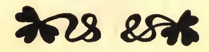
* * *

Загрустила ива у криницы,
Опустила ветви, будто руки...
Детство ли военное ей снится?
Иль она тоскует от разлуки?
У меня с судобой той ивы сходство:
Тот же возраст. В детстве — грохот пушек,
Избежал контузий и уродства,
Пью разлуки сок такой же кружкой...

* * *

Нас учили ни о чем не думать.
Только как бездумно жизнь вести,
Как в ее плакатно-пёстром шуме
Сохранить неповторимый стиль?
Как сыскать ту главную дорогу,
Что сполна раскроет нашу суть?
Милосердье, доброту иль строгость
Времена грядущие несут?
Как уйти от бед и от напастей,
Как планету для любви сберечь?
Умоляю, Бог! Верховной властью
Родину вконец не искалечь!
Запрети разгул страстей и войны,
И народов кровную вражду.
Не тобой ли люди так устроены,
Что беспечно манны с неба ждут?
Жаждут власти. Страсть к наживе точит.
Секс товаром в розницу идёт.
Человек без цели — клён без почек,
Человек без мыслей — идиот.
Надоумь, как не убить, не грабить,
Как прощать обидчикам грехи,
Как работать не на гул парадов
И не на правителей лихих?
Наложи на все пороки сразу
Действенный и праведный запрет,
Чтоб спасти народы от маразма,
Как в былом, ещё на тыщу лет!

* * * *

Голова отупела от химии,
Мысли вытравил запах фенольный,
Но из сердца не вытравить имени
Той, чей взгляд перехвачен у молний.
Но из сердца не вычеркнуть имени,
Ставшем символом обаяния,
Как не выпить до старости синее,
Бесконечное расстояние.
Нет! Не выжечь из памяти заживо
Образ той, в ком мечты воплощение!
Как балету не быть без адажио,
Как из глупых не вырастить гения.
Голова ходит кругом от химии ль?
Иль от дум? Иль от дел? С покаяния ль?
Как смотать нам в один клубок синее,
Разлучившее нас расстояние?

* * *

Живут слова, что у кольца
Начала нет и нет конца:
В них мудрость удивительна,
Ведь нет конца действительно!
Любовь — кольцо, коль нет конца
В любви людей и к ним творца.
Любовью все повязано.
И жизнь лишь ей обязана!

* * *

Говорят, что время — лекарь.
Это правда. Время лечит.
У него своя аптека,
Доктор свой и свой диспетчер.
У него своя метода
Усыплять людскую память:
Не сжимать ей горло с ходу,
Не стучать об пол ногами,
Не выкручивать с разбегу
Ее помнящие руки,
А зимой неспешно снегом
Засыпать следы разлуки.
Коль весна, фиалок пятна,
Птиц лесных живое царство,
Степь в цвету, у речек мяту
Превращать в свои лекарства.
Летом ягодой отборной,
Урожаем хлеба — первым
И водой морской, озёрной
Стресс снимать у самых нервных.
Придет осень, дождик тусклый
Лить в пожар рябин и клёнов
И сжимать ту память в мускул,
Будто в камень округлённый...
Так и лечит. Год за годом.
Без каникул и натуги.
Такова его метода
Исцеления недугов!

* * *

Твердит народ, что без труда
Не вынешь рыбку из пруда.
Но вымер пруд. И рыбку в нём
Не сыщешь даже днем с огнём.
В том, что загублен рыбий род,
Виновны люди, не завод.
И им, чтоб сохранить род свой,
Пора б химичить с головой!

* * *

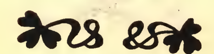
Говорили, в Сибири
жестокий мороз,
Долгозимье в Сибири —
не вырастить роз.
Не проехать Сибирь
и пешком не пройти:
Там таёжные дебри
встают на пути;
Там завьюжено всё,
там заснежено всё,
Там медведь свою лапу
всю зиму сосёт,
Непокорные реки
на север текут,
И на нартах кочуют
тунгус и якут...
Говорили, Сибирь —
кладовая страны,
И славяне в Сибири
сильны и стройны,
И учёные там
чудо-юдо творят,
Говорили про БАМ,
про КАТЭК говорят...
Говорили, народы
Сибири вольны,
И, как матери дети,
России верны.
И теперь про Сибирь
кое-что говорят,
Но не все говорят,
не везде, не подряд...
Я смотрю на Сибирь
по-другому совсем,
Я увидел её
в редкой женской красе!
Я её ощутил
в добрых женских руках,

В гордых песнях про каторгу,
волю, Байкал!
А в красе той увидел
настой белых роз,
Силу жизни женьшеня
и нежность мимоз,
Гордость кедра и щедрость
сибирской земли,
Где реальность с фантастикой
переплелись.
И теперь я готов
с каждым спорить всерьез:
Красота сибирячек —
соперница роз!
Потому отметаю я
версию ту,
Будто розы в Сибири
и впрямь не растут!

СОПЕРНИКИ

Ты сказала между прочим:
— У тебя возник соперник!
— Полагаю, не рабочий
И, конечно же, не фермер?!
Между нами километры.
Не десяток — сотни, тыщи!
А он рядом. И приметный.
И настырно встречи ищет.
От меня звонки да письма —
Где нежнее, а где строже...
У него ж подходы лисьи,
И к тому же он моложе.
У меня хомут семейный
Засупонен, не развяжешь.
Он по-своему умеет
Измерять любовь и тяжесть.
Ты в моих мечтах и думах
Ежедневно, ежечасно.
Не с того ль и он угрюмый
И, наверное, несчастный?!
Кровь мужская — не водица,
Все вокруг расплавить может.
Он в водители годится,
Да и я водитель тоже!
Так скрестились шпаги наши.
Кого выберешь? Поведай!
С кем счастливей будешь, краше,
Присуди тому победу!

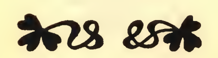
* * *

Ты бежишь от себя ли,
От меня иль от тех,
Что святое распяли
Ради плотских утех?
Ты стремишься на людях
Быть беспечней, чем есть.
В суете ж серых буден
Испытаний не счесть.
Пироги да наливку —
Для друзей и родни,
Детям — сладкие сливки,
Себе — думы одни.
Себе — свет вдовьих окон
Да тоску по ночам...
Мне твой ласковый локон:
— Приезжай!— прокричал.
Злобно каркают беды
Над тобой вороньём...
Знай: как только приеду,
Разгоню их дубём!

* * *

Кипарисов свечки
Тянутся к Луне.
В этот тихий вечер
Одиноко мне.
Город тяжко дышит.
Миллион огней.
В том дыханьи слышу
Я тоску о ней,
У которой очи —
Бесов перепляс,
Два кусочка ночи,
Сжечь готовых враз!
Без которой море
Берега крушит,
Будто свое горе
Выплеснуть спешит.
И примолкли скалы.
Много дней и лет
Смотрят вдаль устало...
Уж не ей ли вслед?
В моей жизни вечер.
Расставанья снег
Мне судьбой намечен —
Я б венчался с ней.
Взял бы свахой — смелость,
Свил из трав венец...
Все б плясало, пело
В свадебном вине!

* * *

Я спросил у платанов и пальмы:
«— Отчего вы, скажите, печальны?»
Они, грустные, мне отвечали:
«— Мы с тобой одни делим печали.
Мы с тобой одни делим тревоги·
В этом мире, заброшенном богом;
В этом мире, где все крайне зыбко:
Сама жизнь, и любовь, и улыбки;
Где к насильям идут от насилий,
Где играют судьбою России...
Где веселье прошито тоскою,—
Оттого настроенье такое».

* * *

Я внушал малолетнему сыну,
Я внушал повзрослевшей дочери:
— Не кидайте нож слов людям в спину,
Подошла или нет ваша очередь.
Этот мир уподоблен больному.
В нем тот пан, кто жил в трех измереньях:
Думал так, говорил по-иному,
Спину гнул пред начальством в смиреньи.
Но, похоже, и этого мало.
Политический климат изменчив.
Поднимались на верх пьедестала,
Но не те, кто из нации меньшей.
Беды гнули меня. Я не сгинул.
Жил трудом. Горе мыкал возами,
И случалось, друзья ножик в спину
Остриём под лопатку вонзали.
И прожил я чуть больше полвека.
Видел всё: и зерно, и мякину.
Правду резал в глаза человеку.
И горжусь: не бросал ножом в спину!

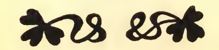
* * *

Сердце, ты чем так встревожено?
Ноешь, как рана навылет.
Путь ли к любимой стреножили,
Путы ж распутать забыли?
Уж не беду ль мне предсказуя,
Снятся древние ящеры?
И от их жадного глаза я
Прячусь в чёрные ящики?
Может, тоскуешь по родине —
С Белою и Шиханами,
Так теперь изуродованной
Сверхретивыми планами,
Перенасыщенной химией,
Но бесконечно мне близкой
Песнями, травами, инеем,
Страстью, размахом и риском!?
Может, мечтою взволновано,
Только сдавили ей горло:
Ведь не со мной коронована
Та неуёмная гордость!?
Сердце! Вскипи до безумия!
Столько огня в тебя влито.
Испепели в людях-мумиях
Всё, чем надежда убита!

* * *

Мой конь еще не проскакал
Судьбой отсчитанные вёрсты.
И не допил любви бокал
Мой век, напористый и пёстрый.
Но кровью полнится бокал,
Живой, клокочущей, горячей!..
Мой век, как конь без седока,
Неуправляем, гневен, мрачен:
То вирус спидовый взрастил,
И в газах корчится планета;
То ярких революций пыл
Стал угасать в сердцах поэтов;
То жарким порохом рыгнет
В Афганистане иль в Кувейте;
То перестройкой долбанёт
Так, что лежишь пластом в кювете;
То демократии азарт
Всех оглушил, замучил в доску...
Мой век не повернуть назад
Тысячелетним перекрёстком!
Мой век назад не повернуть,
Не переделать, не осилить,
Как разлюбить нельзя страну
Со звучным именем — Россия!

Тучи, что прячете просини?
Стоны прошили все простыни.
Боли подушки заполнили,
Тело пронзают, как молнии...
Руки совсем обессилили —
Хвори шаги агрессивные,
Хвори проказы циничные!
Койки столпились больничные,
Койки, белым заправленные;
Люди, болью затравленные,
Люди, просящие помощи;
Стени, их стоны помнящие...
В белых халатах все лекари,
В белых халатах аптекари,
Сёстры шприцами разовыми
Бьются смертельно с заразами!
Может, порадуешь хворого,
Внивнешь в живой с судобой спор его,
Мой врачеватель единственный
Страсти сердечной и истинной?!
Верю, твой локон каштановый
Жизнь возродит во мне заново!
Небо, порадуй просинями
Хмурые дни моей осени!

* * *

И вновь я в заоблачной выси,
У ног моих — древний Урал.
Хочу твоё имя я высечь
На склонах причудливых скал.
Да так, чтобы буквы смотрелись
Не сотню, а тысячи лет,
Чтоб там соловьиные трели
Сжигали июньский рассвет.
И так, чтобы каждый прохожий,
Прочтя эту надпись вверху,
Бодрей становился, моложе
И ближе к земному «греху».
К «греху», что даёт людям радость,
Что движет суетную жизнь,
Чей след виден в песнях эстрадных
И в том, как резвятся стрижи,
Как трубно взывают олени,
Как травы бушуют в степи...
«Греха» того хмель и волненье
Чтоб каждый, как я пью, испил!

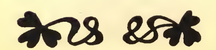
* * *

Пятый день вращаю нервно диск.
Пятый день молчит твой телефон.
Сердце задыхается в груди,
В голове от пиканья трезвон.
День шестой. Не подлости ль закон?
Басом мне ответил телефон.

* * *

Я бегу к телефону с утра,
К автоматам спешу я вечером,
Диск вращаю в стотысячный раз...
Онемел аппарат. Недоверчиво
Молчит трубка. Сжимая в руке,
Её нежу, лелею и холю.
Хочу трубке в твоем далеке
Передать мою ласку и волю,
Чтоб она, твой целуя висок,
От меня прошептала три слова...
Знаю, счастье, как зыбкий песок,
На такой же непрочной основе.
Но бегу к телефону с утра
И спешу к автоматам вечером,
Хотя возраст такой, что пора б
Успокоиться перед вечностью!
А деревья в весеннем соку,
И секрет птичьих танцев не познан...
И неведомо мне — старику,
Что любить в эти годы уж поздно!

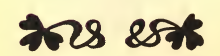
* * *

Я от Адама, плоть от плоти,
Его грехи — мои грехи...
Увидел женщину я в гроте,
Ей каждый день пишу стихи.
А потому, что верю людям
И их молве про Русь мою,
Где женщины «ушами любят»
И где они душой поют.
Коль я женат, все вторят: «Грешен
Любовным помыслом своим,
И пусть ты ею не утешен
И даже, может, не любим!
Ему, Адаму, было проще:
Он с Евой яблоко вкусил,
И бог его из райской рощи
На нашу Землю отпустил.
А если ты на этом свете
Войдёшь с той женщиной в союз,
Восстанут бог, жена и дети,
И сам партком, и профсоюз.
И тут прости, Земля родная!
Сбежишь во самый адский ад.
Так замордуют — не узнаешь,
Где перед твой, а где твой зад».
И все ж адамовой я роты.
Мои грехи — его грехи.
И в этом есть святое что-то,
Что отливается в стихи.

СВАДЕБНЫЙ ОБЫЧАЙ

В старину поверье было,
Чтоб жених любил невесту,—
Из стакана пили пиво,
В зеркало гляделись вместе...
Им на счастье зёрна хлеба
Сыпали на грудь и кудри,
Хмель, чтоб не мрачнело небо...
Был такой обычай мудрый!
И кричали дружно: «Горько!..»
Чтобы в жизни было сладко,
Чтобы шли на смену Борьки,
Маши, Тани, Лены, Славки...

ВЕЧЕР

Волна с крутой белесой гривою,
Вбежав на берег, вяло рушится.
Меж облаков злачёной гривною
Луна, как будто в танце, кружится.
То укрывается сконфуженно
От жадных глаз неплотной тучею,
А то целует всё: натруженный
Залив, дома, реки излучены...
И ты со мной. И радость бережно
Касаньем губ горячих грели мы...
И обнимались волны с берегом,
Шептался тихо ветер с елями.

* * *

От прежних розовых времён
Остались лишь воспоминанья.
Ты статен был собой, умён,
Любил и мог ценить признанья.
И так умел в глаза взглянуть,
Что сердце в трепет приходило;
И жгло желанье утонуть
В твоих руках, налитых силой.

* * *

Ты ворожишь на трёх королей.
На меня карты бросила тоже,
Хотя знаешь: мой знак — Водолей,
Твой — Стрелец. Они судьбами схожи!
Совместимые знаки. Слов нет.
У Стрельца лишь характер рисковей,
Фиолетово-красный браслет,
Талисман — золотая подкова!
Как всегда, весь в мечтах Водолей
Он в одежде загара морского
С бирюзовых небесных полей
Шлет Стрельцу ключ от счастья мирского.
Карты лгут! Не приемли их звон.
Ну, хотя бы насчет Водолея...
Будто б ближе тебе Скорпион
Да Телец, а не он их милее...
Ты не путай с делами слова,
Не сближай фиолетовый с черным,
Не твои талисманы — Сова,
Майский жук, на цветах развращенный.

* * *

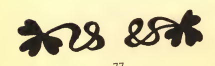
Говорят, будто поздний роман
Ненадёжен, как снег, что в апреле
Выпадает... Похоже — зима,
Но кругом — перезвоны капели.
Я не верю молве. Я любим.
Я люблю и горжусь этим чувством.
Подтвержденье? Рубины рябин
И берез неподдельная чуткость;
Две сосёнки, что гребень скалы
Обживают с завидным упорством
И в подарок янтарьки смолы
Добывают из почвы той чёрствой.
Я в свидетели осень беру,
Разноцветную, щедрую осень,
Без которой и в вешнем бору
Не резвились бы пчелы и осы.
Пусть в свидетелях память горы
И аллей из акаций и клёнов...
Время скачет, а сердце горит
Каждой клеткой, в него влюблённой.

* * *

От переполненной любви
Ты вся — нежнее нежной неги...
О время, время! Жар в крови
Не остуди холодным снегом!

Иноземное море,
Чужеземные скалы,
Красотою поспорить
Вы способны с Байкалом!
Мне ж роднее и ближе
Моря русского чары,
Его волны, что лижут
Берега и причалы;
Его ветры, что дуют
То свирепо, то тихо,
Тешат зиму седую,
Белят шубы зайчихам;
Бередят мои думы,
Берегут память строго
О невзгодах угрюмых,
О счастливых дорогах...
«— Неподвластный мне ветер!
Мчись сквозь дебри и скалы,
Отыщи по приметам
Ту, чьи руки ласкали...
Она скромниц скромнее
И душевности редкой...
Передай, что я с нею
Каждой мыслью и клеткой».

И сладкое, и горькое
Растение равнинное,
Овражное, не горное,
Зовут его калиною.
И нежное, и терпкое,
Похожее на женщину,
Не броскую, не дерзкую,
С которой не обвенчан я.
В платке с кистями красными,
В цветах ли, будто в кружеве,
Нарядное и разное,
Как женщина безмужняя.
Случись дружить с протокою,
Глядит она в глубинные
В те воды синеокие,
Как смотрят на любимую.
Стоит, глядит безвыездно,
В своих сомненьях мучаясь,
На то, как небо вызвездит
Ночь темная, бестручная;
Или на то, что солнышко
Прошьёт лучами жаркими
Речную гладь до донышка,
До рыб в неброских фартуках;
Или на то, как зябкою
Зимой метель блудливая
Швыряет снег охапками
К ногам черёмух с ивами.
Глядит на танцы брачные —
Скворчиные, дроздиные...
А память об утраченном
Застыла светлой льдиною.
Бегут года, торопятся —
Мгновенья время вечного...
Былое не воротится,
А будет, что намечено,
И то, что напророчено
Провидцами былинными
Про нашу жизнь непрочную —
Одной судьбы с калиною...

* * *

Пусть мрачен быт,
А дни снуют...
Я другом быть
Не устаю!
В друзьях — успех,
Надежный щит.
Изъянов грех
В них не ищи.
Друзья друзе́й
Не выдают,
А при грозе
Горой встают.
Не предают
За хлеб с вином,
Гимн не поют
В пиру хмельном!
Случись беда,
Вот друга жест —
С себя отдаст
Последний крест.
Не зря о том
Твердят вокруг:
«— Кто за столом —
Ещё не друг».

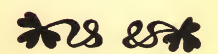
* * *

Не повторяй слова чужие
О том, что я не современен.
И в веке каменном не жил я,
Хотя тем людям соплеменник.
Я ближе к рыцарскому веку,
И для меня ты — Дульсенея,
Святыня, как арабу Мекка,
Чью чистоту сберечь сумею ль?
Я слышал, есть пути иные:
Сначала ты, потом другая,
Чтоб сердце трепетно не ныло
И чтобы песня не слагалась.
Я не из тех, что обещают,
В которых — ничего святого:
Любовь — забава, бабы — шалость...
Свой путь мне в жизни уготован!..

* * *

Говоришь: звонки не греют
И тепла от писем нет.
Не с того ль, что стал добрее
И назойливей сосед?
Иль с того, что в горький, пресный
Неуютный вдовий век
Ласки хочется телесной,—
Так устроен человек?!
Иль с того, что век у бабы
Сорок лет. А в сорок пять
Жизнь напрасно не ушла бы,
Ты любимой хочешь стать?!
Иль с того, что в твоих мыслях
И в душе не только я,
А поэтому зачислен
В перспективные мужья?!
Иль с того, что безутешность
Нам маячит впереди?!
Ты своею тайной грешной
Память мне не береди!
Не хочу наград и премий,
Не твоих, чужих наград...
Пронесётся наше время,
Как под полем хлёсткий град,
Отшумит и канет в вечность...
Будь ты тише, будь резвей,
Будь скромнее иль беспечней,
После смерти — снедь червей.
Годы — обручи, колечки —
Катятся, не удержать.
Знаю, старость не излечишь,
Как без игл не быть ежам!

Я давным давно замечаю,
Что скучаю я не по чаю.
Не по чаю скучаю — по кофе,
Что варила в сиреневой кофте.
Дни снуют, группируясь в годы,
Как перчатки, меняются моды...
Но хочу я по-прежнему кофе,
Что варила в сиреневой кофте.

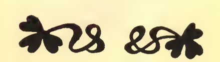
РАСПЛАТА

Где белое, где чёрное —
Понять совсем непросто.
Россия обольщённая
Опять в крови, в погостах.
В конвульсиях сомнения
Умы, сердца живые...
Те, кто считался гением,—
Подранки ножевые.
Сулил нам ленинский декрет
Жить вольно, без печали...
Теперь марксизм не в долг —
в ответ,
Как и царизм, распяли!

ЧТО СЧИТАЛОСЬ ДОБРОМ

Пересохли желанья и мысли.
Перестройку в тупик завели.
Кто в друзья ее чохом зачислен,
Над иными — два метра земли.
Для народа — голодные полки
Да призывы терпеть, как в былом,
От Союза остались осколки,
Что считалось добром — кличут злом!
Под запретом всех «измов» походы.
Хочешь выжить — есть шанс, есть процент...
Ошалели от мнимой свободы,
От разгула безудержных цен.
Разберись в кутерьме этой пёстрой,
Отыщи себе счастья звезду!
Бизнес, разум, политика — сёстры,
Не рассорились бы на беду!

* * *

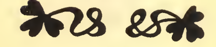
Ты так цветы любила полевые,
Ушла из жизни их не долюбив,
И крепко спишь... А мы грустим, живые.
Утраты горечь до конца испив.
Прощай, Гульшат. Башкирия и Дёма
Тебя вспоили редкой красотой...
Ты поселилась в новом вечном доме,
Оставив память доброй и святой...
Прости, Гульшат. Ромашки полевые
Оберегают твой спокойный сон...
А о живых заботятся живые,—
Таков на свете действует закон.

Памяти Гульшат Х.

НА ГРЕБНЕ СЛАВЫ

Земля — живое существо.
И ей, как нам, бывает тяжко,
Когда украсится листвой
Или когда в цвету ромашки,
Картечь на головы людей
И бомбы падают, взрываясь...
Бредовых не понять идей —
Друг друга люди убивают.
Ведь все для них: поля и лес,
Моря и реки, дождь и иней,
Весь мир богатств, зверья, чудес
И небосвод — бездонно-синий...
Но льется кровь. Иль алых роз
Или калины красной мало?
Что ж все идёт наперекос
И что людей так взбунтовало?
Эх, мать Земля! Во всем живом
Ты утверждаешь жизни вечность,
Боясь, что превратят в одом
Безумье, жадность человечьи...
Он нанесённых ран, от лжи,
Бывает, вздрогнет твое тело,
Да так — в руинах то лежит,
Что и в столетия не сделать.
В предупреждениях твоих —
Цунами, град, вулканов лавы...
Но зло по-прежнему стоит
На самом верхнем гребне славы...
Не оттого ль потоки слёз,
Потоки горя с кровью алой?..
Неутешительный прогноз
Кукушка мне накуковала.

* * *

O.M.T.—70 лет.

Время мчалось, бурлило, буянило,
То метелило, то вдруг дождило,
Вот уж мне и виски забуранило
И, похоже, грозится могилой...
Лоб вспахало крутыми бороздками,
Мысли разные в книги сверстало,
Заурядную долю, неброскую,
Застолбило в мечты и усталость...
Но, как прежде, склонюсь почтительно,
О прошедшем совсем не жалея,
Пред тобою, моя учительница,
В дни обычные и в юбилеи!

* * *

* * *

Вновь весна. Вновь рассыпал дробь дятел.
Многолика судьба. Нужно ль спорить?
Мчал «Москвич», еще новый, без вмятин,
Лихо брал виражи... Миг... И в горе
Над бесформенной грудой металла
Плачет женщина: нет в живых близких...
Смерть их счастью преградою стала,
Память встанет с крестом обелиском.

* * *

Я люблю касанья твоих губ
Поздней ненасытною любовью.
Нежные, горячие в снегу,
Жадные, целующие с болью...
И в душе сгорает седина,
Как страну сжигает перестройка.
Ни умом, ни сердцем не познать
Всю тебя и Русь как птицу-тройку.

* * *

Не могу я доверить бумаге
Все, что в сердце моём запеклось.
В нём, как будто в разбитом Рейхстаге,
Похоронены радость и злость.
Под обломками чувств и страданий
Поражающая немота:
Ни упреков, ни слов оправданья,
Ни попыток вновь на ноги встать.
Все застыло, как остекленело,
Только памяти пульс ещё жив.
Доверяться бумаге — не дело,
Когда недруги точат ножи!

* * *

Только время неутомимо:
Постоянно оно в бегу.
Только время неукротимо
Ни в распутицу, ни в пургу.

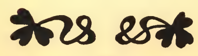
То спокойно, то торопливо
Жизнь рождает иль сеет смерть,
То купает в счастье счастливых,
То ввергает всех в круговерть.

Нам от времени не укрыться:
Им просчитано все в веках...
Время, дай нам путь исцелиться,
Дай нам выйти из тупика!

Время, время! Кому поручишь
Переделать Россию вновь?
Или в бездну с незримой кручи
Снова бросишь нас мордой в кровь?

Видно, время непостижимо
В необъятной его стране,
Будто бы пробегает мимо,
Но виски запуржило мне...

В час раздумий иду к калитке.
Уж не с прошлым ли рандеву?
Дуб роняет золото в слитках
В увядающую траву...

Содержание

Иван Егорович Карпухин

И ПОРТРЕТ Я ТВОЙ РИСУЮ...
Стихотворения

Редактор **Сенченко Ф. В.**
Художник **Ермолаева Н. Н.**
Технический редактор **Пахомова Л. А.**
Корректор **Карпухина Э. А.**

Сдано в набор 14.02.94. Подписано к печати 5.05.94.
Формат 70x100 $^{1}/_{32}$. Уч.-изд. л. 3,0. Тираж 3000 экз.
Печать офсетная. Заказ № А 201. Цена свободная.

Издательство Стерлитамакского государственного педагогического института, 1993.— 94 с., ил.

Отпечатано в типографии издательства
«Башкортостан»
450079, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 13.

ОПЕЧАТКА к заказу А201.

стр. 9 — следует читать.

с косой русою!

стр. 10

Что сталося с тобой?!

стр. 21

Иль в объятьях пурги ошалелой

стр. 47

С тополей пожелтевшие листья

стр. 60

Разгоню их дубьём!

стр. 66

Стены, их стоны помнящие...

стр. 86

Боясь, что превратят в содом